

Легитимность судебной власти в истории российского суда (на примерах эволюционных и революционных преобразований XVIII в. — нач. XX в.)

Ефремова Н. Н.,
ведущий научный сотрудник
сектора истории государства, права и политических учений
Института государства и права,
профессор НИУ ВШЭ,
профессор РАНХиГС

Аннотация. В статье автор рассматривает наиболее значимые для отечественного правосудия этапы модернизации: в ходе реформ XVIII в., XIX в. и Октябрьской революции 1917 г. Как показывает история, революции и эволюционные реформы являются двумя основными формами развития природы и общества, в том числе государственных и правовых институтов. Важное значение в этих случаях имеет легитимация, могущая обеспечить ранее приобретенную или созданную заново стабильность и социальную полезность. Суд является важным элементом в политической и правовой системах. Как наглядно доказывает автор, изменение последних неизменно влечет и изменение первого, прежде всего потому, что он выполняет правоохранительную, правозащитную и правоприменительную функции в правовой модели государственности и, соответственно, законоохранительную, законозащитную и законоприменительную функции в неправовых, тоталитарных моделях государственности различных исторических эпох. Развитие суда как любого другого социально-политического института может происходить эволюционным либо революционным путем: первый предполагает реформирование, или совершенствование, старого при сохранении традиционных черт, а второй — слом старого и создание нового, радикально отличающегося от прежнего, но при этом не обязательно прогрессивного.

Сопоставляя два варианта революционного по сути и результатам преобразования суда в отечественной истории, автор делает вывод: преобразования Петра I соответствовали задаче его модернизации и в достаточной мере были обусловлены тенденциями не только политического, но и экономического, социального и культурного развития России, хотя и несколько их опережали; в случае же послеоктябрьского революционного слома прогрессивного, по сути, суда новый суд не соответствовал чертам и качествам надлежащей организации правосудия, но был обусловлен и обоснован интересами нового правящего класса и советского социалистического государства, ставящего своей задачей именно их выражение и защиту.

Ключевые слова: легитимность, судебная система, правосудие, судебная реформа Петра I, судебные реформы XVIII-XIX вв., Великая судебная реформа 1864-1899 гг., судебная система советской власти.

Как показывает история, революции и эволюционные реформы являются двумя основными формами развития природы и общества, и, в частности, государственных и правовых институтов, причем каждая из них проявляет различную степень преемственности и новизны в обновлении последних. Парадоксально, но факт, что перемены могут не соответствовать логически ожидаемым целям: так, реформы могут привести к сломам и созданию принципиально нового отдельно взятого института, тогда как революции могут таковой и сохранить. Важное значение в этих случаях имеет легитимация, могущая обеспечить ранее приобретенную или созданную заново

его стабильность и социальную полезность. В полной мере это демонстрирует и история развития российского суда. В данной публикации мы остановимся прежде всего на наиболее значимых для отечественного правосудия этапах его модернизации: в ходе реформ XVIII-XIX вв. и Октябрьской революции 1917 г. В приводимых примерах организация суда очевидно доказала заявленную гипотезу.

Предварительно следует пояснить используемые понятия. Категория «суд» многогранна, она имеет общесоциальный и, собственно, юридический смысл, являясь одновременно правовой и государственной. Суд — это прежде всего специальный государственный орган,

наделенный судебной властью и в первую очередь — властью отправлять правосудие. Правосудие же — это наиболее явленная форма жизни права. Но судом также с незапамятных времен называется и процесс (в частности, его составительная форма) отыскания юридической истины. Соответственно, рассуждая о легитимности суда, необходимо установить его природу: общественную или государственную, правовой или произвольный характер его учреждения и организации, официальную публично-правовую, частноправовую или иную неправовую форму деятельности, а также его институциональную и функциональную оправданность и признание в качестве надлежащих его решений со стороны гражданского общества. Это важно постольку, поскольку в доктрине легитимность понимается как политико-правовая категория, означающая, прежде всего, выражение общественного мнения или отношение населения государства, либо отдельных социальных групп к действующим органам государственной власти (или органов, которым официально делегированы соответствующие властные полномочия) и признание их правомерности. При этом выделяют следующие составляющие легитимности: внимание, понимание, принятие, выражаемые в положительно-ценностных реакциях. Тогда как ценностно-нейтральные или отрицательно-ценностные реакции говорят об ущербности легитимности. Практически применительно к легитимности суда это, по общему правилу, активно проявляется в поведении людей, потенциально или реально испытывающих потребность в правосудии. При этом, чем ниже уровень легитимности, тем чаще носители публичной власти будут опираться на силовое принуждение, а в контексте реализации судебной функции — на внесудебные формы репрессии.

Суд безусловно является важным элементом в политической и правовой системах, изменение последних неизменно влечет и изменение первого, прежде всего потому, что он выполняет правоохранительную, правозащитную и правоприменительную функции в правовой модели государственности и, соответственно, законоохранительную, законозащитную и законоприменительную функции в неправовых, тоталитарных, к примеру, моделях государственности различных исторических эпох. Развитие суда как любого другого социально-политического института, что уже отмечалось выше, может происходить эволюционным либо революционным путем: по общему правилу, первый предполагает реформирование, или совершенствование, старого при сохранении традиционных черт, а второй — слом старого и создание нового, радикально отличающегося от прежнего, при этом не обязательно прогрессивного.

Вместе с тем, это правило имеет исключения, что будет показано ниже.

Судебные преобразования в истории России традиционно проводились параллельно с другими — государственно-правовыми, нацеленными на комплексную модернизацию. Вместе с тем не всегда судоустройство изменялось одновременно с процессом, что приводило к ощутимым недостаткам в отправлении правосудия. Можно также отметить такую особенность в развитии средневековой отечественной юстиции: перемены в судопроизводстве отставали по отношению к судоустройству. Более того, законодательство о процессе в количественном отношении также уступало судоустройственному. Осознание взаимозависимости суда и процесса отчетливо проявится в период подготовки Великой судебной реформы 1864-1899 гг., однако, справедливости ради надо признать, что кодифицированные памятники права XI-XVII вв. уже содержали и материальные, и процессуальные нормы судебного права, но качественные изменения осуществлялись не всегда синхронно.

Говоря о первом обозначенном выше этапе преобразования российского суда, можно отметить следующее: в первой четверти XVIII в. в условиях комплексного реформирования социальных, экономических, политических, правовых и иных институтов получила законодательное оформление новая форма российского государства — абсолютная монархия и имперское устройство, что обусловило, в частности, и попытку создания новой судебной организации, соответствующей изменившейся целям и задачам государства, нуждавшегося в расширении и дифференциации своего участия в отправлении правосудия. Суд сохранял свою законоохранительную ординарную функцию, но вместе с тем растущие социальные и политические противоречия и протесты породили экстремальное стремление правительства использовать судебную репрессию для их подавления.

Разумеется, необходимость судебного преобразования была продиктована не только влиянием внешних факторов, но и существенными недостатками самой судебной организации (структурно-организационным совмещением суда и администрации, порочным судопроизводством, характеризовавшимся произволом судей, мздоимством, волокитой, непрофессионализмом). Причем при выборе новой модели судоустройства Петр I пытался рецепировать западные, более прогрессивные модели судебных органов, но в случаях их непринятия обществом (ввиду несоответствия культурным традициям, ментальности, социальным интересам, правосознанию, мировоззрению) создавал иные обновленные при сохранении национальных основ

(так было, например с ландрихтерами, введенными, но вскоре замененными на городских и провинциальных судей, причем с изменением не только названия, но и принципов их организации). Петровская организация суда была обусловлена также необходимостью обеспечения интересов формировавшихся сословий горожан и дворян, которые рассматривались в качестве социально-экономической и, соответственно, социально-политической опор государства. В условиях сословного типа государства (типология академика В.С. Нерсисянца) формальное равенство, как ценность правосудия, могло быть достигнуто лишь ограниченно: в рамках сословного суда. Поэтому горожане («регулярные» граждане) в соответствии с их интересами (при этом нужно учесть, что это соответствовало и меркантильным интересам государства) были отделены от других социальных групп в административной подведомственности и судебной юрисдикции, начиная с 1699 г., и переведены в сферу деятельности формируемых ими самостоятельно путем выборов органов самоуправления (бурмистерские избы, Бурмистерская палата в Москве, позднее — магистраты, ратуши, Главный магистрат в Санкт-Петербурге). Несомненно, такая городская судебная организация являлась легитимной в сравнении с прежней, обеспечивавшей преимущественно интересы служилых людей в ущерб посадским.

В ходе реформы Екатерины II 1775-1780 гг., последовавшей за судебными контрреформами периода «дворцовых переворотов, городское сословие получило уже более совершенную судебную организацию, первая и апелляционная инстанция (нижний и верхний городские магистраты) которой являли собой сословный суд, действовавший при участии выборных заседателей. То же было осуществлено в отношении судебных интересов дворян: начавшееся при Петре I формирование судов для дворян (упомянутое в вышеприведенном примере заимствование иностранного образца, отторгнутого прежде всего по причине его «непонимания населением», повлекшее возвращение к национальным корням судебной организации) продолжилось. Полагая дворянское сословие «знатнейшим» и «благороднейшим», она повелела: «Да не судится благородной, кроме своими равными». Сословными судами для дворян стали нижний уездный и верхний земский суды, также дворянскими по составу были все высшие суды с общесословной подсудностью. В условиях завершения легального оформления правового статуса сословий были созданы суды для крестьян-однодворцев (крепостные оставались в юрисдикции помещиков), также включавшие заседателей от сословия (нижние и верхние расправы).

В ходе этой реформы местные суды уже во второй раз после попытки Петра I были структурно и функционально отделены от административных органов, и это разделение сохранилось, оно было системно завершено уже в ходе Великой судебной реформы 1864-1899 гг., послужив по сути практическим опытом, апробацией принципа надлежащей организации правосудия — независимости судебной власти. Первый прогрессивный шаг отразил революционную решимость Петра I сломать старый, опороченный в общественном сознании суд, заменив его новым, структурно и функционально обособленным государственным органом; образовать судебные органы, основанные на законе, находившиеся под надзором созданной прокуратуры, укомплектованные кадрами, к которым реформатор также предъявлял особые нравственно-религиозные, этические и профессиональные требования, выраженные в социокультурных и правовых ценностях¹. По оценке историка права О.А. Омельченко, законодатель установил личностные требования к судьям «в духе и в положениях абсолютистской законности». В доказательство этого утверждения следует отметить, что в Указах 17 апреля 1722 г. «О хранении прав гражданских», 21 января 1724 г. «О соблюдении благочиния во всех судебных местах» и 22 января 1724 г. «О важности государственных уставов», в совокупности получивших название «Зерцало правосудия», соответственно устанавливалось: 1) «Судьям надлежит быть честным, совестным и беспорочного жития людям и потребное к отправлению судейской должности искусство иметь понеже наимолебнейшие законы без действия останутся, когда ко отправлению правосудия такие определяются, которые или не знают или не храня оных ими, как в карты прибирая масть к масти, играют, и государственные права по беззаконным своим прихотям и по страстям толкуют»; 2) надлежит им «чинно поступать, понеже суд Божий есть: проклят всяк, творяй дело Божие с небрежением»; 3) надлежит им «ведать все уставы государственные и важность их, яко первое и главное дело, понеже в том зависит правое и незазорное управление всех дел, и каждому для содержания чести своей и убежания от впадения неведением в погрешение и в наказание должно». Также

¹ См., например: Ефремова Н.Н. Этические основания статуса русского судьи: ретроспективный обзор // Судейская этика и укрепление доверия к правосудию. Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции (15.03.2013). СПб., 2013. С. 107-111; она же. К вопросу о своеобразии природы правоприменительной деятельности российских судей в XVIII в. // Материалы десятых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца. М.: Норма, 2016. С. 126-132.

требовались такие качества, как бескорыстность, богобоязненность, беспристрастность и др., что означало официальное декларирование социальной полезности и оправданности государственного суда. В продолжение этой судебной политики Екатерина II, руководствуясь прогрессивными идеями просвещения, в своем «Наказе» провозглашала в качестве основных принципов правосудия, наряду с законностью, справедливость, совесть и миролюбие (судей), гуманизм и др. Идеализировать судебную систему, созданную в XVIII в., не стоит, в силу того, что новое судоустройство, основанное на новых социокультурных и законных основаниях, не было обеспечено соответствующим судопроизводством, остававшимся инквизиционным по форме, и, следовательно, не гарантировавшим воплощения на практике официально декларируемых благ правосудия. Но вместе с тем, эти реформы, направленные на модернизацию суда, стали первыми шагами на пути создания независимой судебной власти, к которой последовательно шли реформаторы и провозгласили ее в Судебных Уставах 1864 г.²

В свою очередь, преобразования суда в ходе Октябрьской революции проходили в два этапа, отличавшихся по целям, основаниям и результатам.

Первый этап революции, продлившийся с конца февраля до конца октября 1917 г., применительно к истории отечественного суда может быть охарактеризован как либерально-демократический, поскольку Временное правительство, несмотря на внутренние противоречия представителей различных партий, входивших и регулярно сменявших друг друга в его составе, не намеревалось производить кардинального изменения в судоустройстве и судопроизводстве. Оно исходило из цели преобразования российской монархии посредством планируемого решения Учредительного собрания, созыв которого намечался на осень того же года, в республику либерально-демократического типа. Соответственно, организация власти в последней должна была основываться на принципе разделения властей и вытекающей из него независимости судебной власти, носителем которой оставались Сенат и иные имперские судебные органы. Неприкосновенность прежних институтов юстиции проявилась даже в том, что до октября 1917 г. продолжали действовать судебно-административные департаменты Государственного совета. Вместе с тем, признавая организацию суда, основанную на Судебных

уставах, вполне прогрессивной и принесшей в Россию начала права, справедливости и законности, утверждение правопорядка, Временное правительство полагало, что в период контрреформ последние были искажены, а принципу несменяемости судей был причинен особый ущерб. Поэтому, соглашаясь с необходимостью реформ в сфере суда, Временное правительство создало Комиссию для восстановления основных положений Судебных уставов и их согласования с происшедшей переменой в государственном устройстве. Учитывая организационную пригодность существующих институтов юстиции в целом, Временное правительство намеревалось заменить их кадровый состав. Этому мешала боязнь нарушить принцип несменяемости судей, что было бы воспринято обществом как крайне непопулярная мера. Новацией было привлечение в судебное ведомство лиц, имевших ученую степень магистра или доктора римского, гражданского или уголовного права, либо стаж преподавательской деятельности в высших учебных заведениях по ведению курсов римского, гражданского и уголовного материального и процессуального права. Такое обращение к лицам ведущим научную или преподавательскую юридическую деятельность объяснялось не столько желанием усилить научную основу судебной правоприменительной практики, сколько ожиданием того, что вливание либерально-демократических сил, каковыми слыли представители науки и образования в сфере юриспруденции, в организацию правосудия будет способствовать вытеснению из нее реакционно-охранительных сил. Вместе с тем, принцип несменяемости судей так и не был отменен, даже вопреки активному наступлению на него Министерства юстиции, перенявшего неприятие его от своего предшественника — Министерства юстиции Российской Империи. Это способствовало легитимации суда и позволяло его сохранить в дореволюционном формате, и организационно-правовая основа деятельности сохранившихся институтов юстиции была несколько подновлена в духе дальнейшей демократизации и либерализации.

И совершенно иное отношение к прежнему суду продемонстрировало советское правительство, созданное после свержения Временного правительства на втором этапе революции, начавшемся 25-26 октября 1917 г.

В отличие от своих предшественников большевики и их союзники после прихода к власти озадачились прежде всего созданием представительных, распорядительных и исполнительных органов власти и управления, организация которых основывалась не на принципе разделения властей, а на принципе полновластия советов, что соответствовало политико-идеологическим

² См., подробнее: Ефремова Н.Н. Эволюция отечественного правосудия (судебные реформы XVIII-XIX вв.) // Право. 2008. № 2. С. 34-50.

установкам марксистско-ленинского учения о государстве и праве и опыте революционного оформления власти в парижской коммуне. Суд рассматривался, наряду с государством и правом (в легистском понимании), в целом как классовый институт, обеспечивавший классовое же принуждение в интересах класса, победившего в революции и оформившего свою диктатуру. В российской истории это была диктатура пролетариата, защищая интересы которого и должен был действовать суд, направляя репрессию прежде всего против противников революции, т.е. тех, кто не разделял новых идей и планов строительства рабоче-крестьянского неэксплуататорского типа государства. Разумеется старый суд не был способен разрешать такие задачи, а потому был обречен на слом. Интересно, что строительство нового суда началось по инициативе самого населения на местах уже сразу после Второго Съезда Советов; так появились выборные народные и местные суды в ряде промышленных городов, отчеты о деятельности которых публиковались в печати с первых дней ноября. Что касается изменений в судебной организации, осуществленных на основании Декретов о суде № 1, 2, 3, принятых в 1917-1918 гг., то они были не только по форме, но и сущностно революционными. Была уничтожена организация правосудия, созданная в ходе прогрессивной судебной реформы 1864-1899 гг., по определению ведущего представителя русского консерватизма М.Н. Каткова, являвшаяся «судебной республикой» внутри государственного механизма российской абсолютистской монархии, основанная на принципах формального равенства, гуманизма, независимости судебной власти и несменяемости судей и других демократических началах. Взамен проводилось строительство суда подконтрольного органам советской власти и управления, формально служащего интересам нового господствовавшего класса трудящихся, объединившего пролетариат и беднейшее крестьянство, нацеленного на репрессию против классов бывших «угнетателей», следовательно, идеологических и политических противников нового общественно-политического строя. Соответственно, задачей советского суда на данном этапе революционных преобразований стала борьба против контрреволюции, саботажа, вредительства и прочих противоречивших коммунистической идеологии, большевистской политике и интересам социалистической революции деяний.

Сопоставляя два варианта революционного по сущности и результатам преобразования

суда в отечественной истории, можно сказать: в первом случае преобразования Петра I соответствовали задаче его модернизации и в достаточной мере были обусловлены тенденциями не только политического, но и экономического, социального и культурного развития России, хотя и несколько их опережали. Во втором же примере послеоктябрьского революционного слома прогрессивного, по сути, суда новый суд не соответствовал чертам и качествам надлежащей организации правосудия, но был обусловлен и обоснован интересами нового правящего класса и советского социалистического государства, ставящего своей задачей именно их выражение и защиту. При этом социальной опорой советского государства выступала диктатура пролетариата, а интересам последнего, по определению, соответствовала репрессивная политика в отношении классовых противников, в проведении которой активная роль отводилась новому суду. Таким образом, преобразования второго этапа Октябрьской революции демонстрировали полный отказ от преемственности и создание юстиции нового типа, ранее не известного истории, но воплощавшего не лучшие отдельные черты суда прошлых эпох (инквизиционные процедуры, объективное вменение, целесообразность в ущерб законности при вынесении решений, классовое «правосудие», соответствовавшее новой идеологии и порождаемым ею социокультурным «ценностям»), в силу чего легитимность его была сомнительна³.

Список литературы

1. Ефремова Н.Н. К вопросу о своеобразии природы правоприменительной деятельности российских судей в XVIII в. // Материалы десятих философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсеянца. М.: Норма, 2016. С. 126-132.
2. Ефремова Н.Н. Создание нового советского суда (1917-1918 гг.) // Из истории советского государства и права. ИГП РАН. М., 1989. С. 62-76.
3. Ефремова Н.Н. Эволюция отечественного правосудия (судебные реформы XVIII-XIX вв.) // Право. 2008. № 2. С. 34-50.
4. Ефремова Н.Н. Этические основания статуса русского судьи: ретроспективный обзор // Судейская этика и укрепление доверия к правосудию. Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции (15.03.2013). СПб., 2013. С. 107-111.

³ См. подробнее: Ефремова Н.Н. Создание нового советского суда (1917-1918 гг.) // Из истории советского государства и права. ИГП РАН. М., 1989. С. 62-76.

Legitimacy of the Judiciary in the History of the Russian Court (on the examples of Evolutionary and Revolutionary Transformations of the 18th and early 20th centuries)

Efremova N. N.,

Leading Researcher
Sector of the History of the State,
Law and Political Doctrines Institute of State and Law,
Professor of the Higher School of Economics,
Professor of RANEPА

Abstract. *In the article the author considers the stages of modernization most significant for the national justice: during the reforms of the 18th century, the 19th century, and the October Revolution of 1917. As history shows, revolutions and evolutionary reforms are the two main forms of development of nature and society, including state and legal institutions. Important in these cases is the legitimation, which can provide previously acquired or newly created stability and social utility.*

The court is an important element in the political and legal systems. As the author demonstrates, the change in the latter invariably entails a change in the former, primarily because he performs law enforcement, human rights and law enforcement functions in the legal model of statehood and, accordingly, law enforcement, law enforcement and law enforcement functions in non-legal, totalitarian, for example, statehood models various historical eras. The development of a court like any other socio-political institution can take place either in an evolutionary or revolutionary way: as a general rule, the former presupposes reforming or improving the old one, while preserving the traditional traits, while the second involves breaking the old one and creating a new one radically different from the former, but at the same time not necessarily progressive.

Comparing the two versions of the revolutionary in essence and the results of the transformation of the court in the domestic history, the author concludes: in the first case, the reforms of Peter I corresponded to the task of its modernization and were sufficiently conditioned by the tendencies of not only political, but also economic, social and cultural development of Russia, although and a few ahead of them. In the second example of the post-October revolutionary breakdown of the progressive, in fact, court, the new court did not correspond to the features and qualities of the proper organization of justice, but was conditioned and substantiated by the interests of the new ruling class and the Soviet socialist state, whose task is precisely their expression and protection.

Keywords: *legitimacy, judicial system, justice, judicial reform of Peter I, judicial reforms of the XVIII-XIX centuries, the Great Judicial Reform of 1864-1899, the judicial system of the Soviet power.*

References

1. Efremova N.N. K voprosu o svoeobrazii prirody pravoprimeritelnoj deyatel'nosti rossijskikh sudej v XVIII v. // Materialy desyatykh filosofsko-pravovykh chtenij pamyati akademika V.S. Nersesyantsa. M.: Norma, 2016. S. 126-132.
2. Efremova N.N. Sozdanie novogo sovetskogo suda (1917-1918 gg.) // Iz istorii sovetskogo gosudarstva i prava. IGP RAN. M., 1989. S. 62-76.
3. Efremova N.N. Evolyutsiya otechestvennogo pravosudiya (sudebnye reformy XVIII-XIX vv.) // Pravo. 2008. № 2. S. 34-50.
4. Efremova N.N. Eticheskie osnovaniya statusa russkogo sudi: retrospektivnyj obzor // Sudejskaya etika i ukreplenie doveriya k pravosudiyu. Sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii (15.03.2013). SPb., 2013. S. 107-111.